

ПРОТУРЕНКО Виктор Иванович

**СОВЕТСКАЯ АРГУМЕНТАТИВНАЯ МОДЕЛЬ
В ПЕРЕДОВЫХ СТАТЬЯХ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

10.02.19 – Теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

**Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО
«Сочинский государственный университет туризма и курортного дела»**

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Ворожбитова Александра Анатольевна

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук, профессор
Кашкин Вячеслав Борисович

кандидат филологических наук, доцент
Кремшокалова Марина Чафленовна

Ведущая организация –
ГОУ ВПО «Поморский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»

Защита диссертации состоится «3» июля 2009 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.76.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук при ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Автореферат разослан 2 июня 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000642022

Ученый секретарь
диссертационного совета

Щербань Г.Е.

Щербань Г.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, это важность дальнейшей разработки теории аргументации, которая на новом витке научной спирали послужила причиной «риторического Ренессанса» в 50-х гг. XX в. и легла в основу такого методологически важного направления современной филологической науки, гуманитарного знания в целом, как неориторика [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969]. Во-вторых, в центре внимания исследователей по-прежнему находится феномен «советского языка», советского официального дискурса, сформировавшегося в особых социополитических условиях развития российского государства. Данный тип дискурса особым образом проявляет свои сущностные признаки и специфические особенности в эпоху Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В корпусе передовых статей газеты «Правда» военного периода репрезентирована система аргументации государственного уровня, нацеленная на мобилизацию сил всего советского народа для победы над фашистскими захватчиками. Реконструкция советской аргументативной модели в дискурсе передовых статей газеты «Правда» эпохи 1941–1945 гг. в лингвориторической парадигме оптимально отвечает целям изучения политического газетного дискурса, воздействующего на аудиторию СМИ.

В-третьих, актуальным и важным в современный период развития российского общества представляются социокультурный и воспитательный аспекты обращения к отечественному патриотическому дискурсу, к советской аргументативной модели, реализуемой в смертельной схватке с «коричневой чумой» фашизма.

Объект исследования – советский газетный дискурс периода Великой Отечественной войны, представленный в жанре передовой статьи.

Предмет исследования – система аргументации советской стороны в передовых статьях газеты «Правда» военного периода.

Цель исследования – выявить аргументативную модель государственного уровня в дискурсе передовых статей газеты «Правда» эпохи войны с гитлеровской Германией.

Задачи исследования:

1) установить теоретико-методологические основы исследования аргументативной модели советского официального дискурса эпохи Великой Отечественной войны в корпусе передовых статей газеты «Правда»;

2) выявить систему аргументов советской стороны в корпусе передовых статей, разработать их типологию, охарактеризовать функционально-прагматическую специфику;

3) выстроить модель аргументации государственного уровня в военный период, репрезентированную в советском газетном дискурсе, охарактеризовать ее сущностные признаки и типологические черты.

Гипотеза исследования: предполагалось, что, во-первых, в советском официальном дискурсе изучаемой жанрово-стилевой разновидности данного исторического периода широко используются аргументы, представлены их различные виды на всем диапазоне классификации; во-вторых, обобщение результатов анализа должно выявить некоторую аргументативную модель, реализующую убеждающую стратегию советского официального дискурса на государственном уровне в экстремальной ситуации военного противостояния.

Материалом исследования послужили тексты передовиц газеты «Правда» 1941–1945 гг. Объем проанализированного эмпирического материала составляет свыше 50 статей.

Теоретико-методологической основой исследования являются диалектическая логика как теория научного познания, системный подход; работы в области риторики и неориторики (Н.А. Безменова, А.А. Волков, А.К. Михальская, В.Н. Топоров, Т.Г. Хазагеров и др.), теории коммуникации и аргументации (А.Н. Баранов, В.Н. Брюшинкин, А.А. Ивин, В.П. Москвин, Г.Г. Почепцов, Ю.В. Рождественский, Г.И. Рузавин, И.А. Стернин), достижения антропоцентрического подхода в языкознании (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов и др.), теории речевых актов (Дж. Остин, Х. Грайс и др.); исследования в области политического дискурса и «советского языка» (Э. Маркштайн, П. Серио, Ю.С. Степанов, Н.А. Купина, А.П. Романенко, А.П. Чудинов и др.), газетно-публицистических жанров (М.Н. Кожина, В.Г. Костомаров, Г.Я. Солганик и др.).

Основными **методами исследования** послужили общенаучные методы системного анализа, моделирования, количественный; методы стилистический, контекстуального анализа, интерпретации текста, лингвориторический; методики наблюдения, описания, языкового и внеязыкового соотнесения.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

– дискурс передовых статей газеты «Правда» эпохи Великой Отечественной войны рассмотрен в русле неориторической теории аргументации;

– проанализирована система аргументов советской стороны в передовых статьях газеты «Правда» 1941–1945 гг. во взаимообусловленности логической и психологической характеристик, функционально-прагматической специфики;

– выявлена аргументативная модель данного типа дискурса, описаны ее сущностные признаки и характеристики, репрезентирующие специфику рече-мыслительной деятельности государственного уровня в военный период;

– применительно к официальной военной публицистике советской эпохи обосновано понятие «орнаментальной аргументации» как взаимопроникновения собственно убеждающего, агитационного, пропагандистского и суггестивного аспектов дискурсивно-текстообразующего процесса в усиленной элокутивной аранжировке изобразительно-выразительных средств.

Теоретическая значимость исследования определяется:

– расширением возможностей изучения стратегий и тактик убеждения, развитием теории аргументации благодаря обращению к новому пласту эмпирического материала;

– уточнением и разведением ряда понятий, установлением их системной иерархии: *аргументатив, аргументативный шаг / ход, аргументативная база / модель / конструкция / стратегия / тактика, аргументативное пространство*;

– уточнением и категориальной разработкой понятия «аргументативная модель» на пересечении понятийных полей «аргументативной конструкции» как логико-лингвистической структуры и «коммуникативной модели» как типа взаимодействия с аудиторией;

– разработкой понятия «орнаментальная аргументация» и рассмотрением советской официальной аргументации как аргументации орнаментально-идеологического типа;

– возможностью применения разработанной методологии и методики анализа, полученных выводов для лингвориторической реконструкции аргументативной модели в различных типах институционального дискурса.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать его результаты в процессе преподавания курсов теории языка, теории и практики аргументации, риторики, стилистики, журналистики; в спецкурсах и спецсеминарах, повышающих исследовательскую направленность образовательного процесса; на курсах повышения квалификации вузовских преподавателей и школьных учителей-филологов; в практике воспитательной работы в вузе и школе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Убеждение как желаемый конечный результат развертывания аргументации реализуется в многочисленных дискурсивных приемах влияния на реципиента, совокупность которых в системном представлении позволяет выявить аргументативную модель. Последняя представляет собой конгломерацию тезисов (генеральных суждений) и аргументов разных типов, организованных в их иерархической соотнесенности и взаимообусловленности, функционирующую в аспектах стратегии и тактики развертывания аргументации в данном типе дискурса с учетом его жанрово-стилевой принадлежности, в синергетике исходного и конечного пунктов дискурсивно-текстообразующего процесса на оси «интенциональный спектр – желаемый коммуникативный эффект».

2. В системе аргументов советской стороны в передовых статьях газеты «Правда» 1941–1945 гг. среди логических доводов наиболее распространен аргумент «к очевидному» (факты). Доводы «к доверию», с их особой психологической ролью в сталинскую эпоху, резко поднимают в эти годы свой прагматический статус вплоть до суггестивного эффекта. В качестве разновидности доводов «к авторитету», «к доверию» выступает цитирование, в силу частотности приобретающее статус риторического приема. Значительную роль играют доводы «к пафосу», указывающие на личностно значимые последствия действий и поступков реципиента, в неразрывной связи с «этическими» доводами («к сопереживанию», «к отвержению»). Используется довод «к антиавторитету» (ссылка на мнение враждебной стороны) как разновидность довода «от противного».

3. Логосфера данного типа дискурса базируется на ментально-экспрессивной доминанте «Советский народ уничтожит фашистскую гадину!» как стилистическом синониме ведущего тезиса «Советский народ должен победить и победит фашистских захватчиков», характеризующая предельной смысловой упрощенностью и мощью экспрессии физического выживания. *Сущностными признаками* советской аргументативной модели в дискурсе передовых статей газеты «Правда» периода Великой Отечественной войны являются: бинарность и взаимоисключающая альтернативность смыслового представления содержания (мы или они, третьего не дано); комплексный характер стратегии и тактики аргументации; орнаментализм (тропеизированность, в том числе гиперболизированность, и фигуристость – прежде всего антитезистность, в их разнообразных сочетаниях);

наличие обобщений идеологического и практически-действенного характера. *Типологические черты аргументативной модели*: сочетание разных типов аргументирования с точки зрения временной отнесенности референта (эпидейктические, судительные, совещательные аргументы); способа воздействия на реципиента (неразрывная связь логической и психологической аргументации в рамках двух схем построения аргументативной структуры – цепной и параллельной); особая функционально-прагматическая нагрузка совещательных аргументов (к невыносимости, к долженствованию, к опыту, к пользе, к оптимуму); повышенная элокутивная насыщенность аргументов советского официального дискурса (тропы и фигуры как идеологическая орнаменталистика), придающая дискурсу суггестивный характер.

5. Выявленная аргументативная модель репрезентирует специфику дискурсивно-текстообразующего процесса государственного уровня советского типа в рамках СМИ в условиях военного времени. Она базируется на глобальном тезисе о неизбежной Победе над ненавистным врагом под предводительством мудрого вождя, обоснованном логическими аргументами (неоспоримое моральное превосходство ленинской идеологии и советского народа) и подкрепленном психологическими доводами (звериная жестокость врага, страх физического уничтожения и полного порабощения). Экстремальной социополитической ситуацией обусловлено дополнение характерного для СМИ тоталитарного государства технологического принципа коммуникации «Я – активный субъект // Ты – объект воздействия» элементами психотехнического принципа: «Ты (советский солдат, труженик тыла) – также активный субъект».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования и полученные результаты обсуждались на научных семинарах кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы Социально-педагогического факультета Сочинского государственного университета туризма и курортного дела; на V и VII Всероссийских научно-методических конференциях «Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе» (Сочи, 2007, 2009); опубликованы в коллективной монографии (Краснодар), в ряде межвузовских сборников научных трудов (Архангельск, Воронеж, Сочи).

Структура работы включает введение, две главы, заключение, библиографию, приложение (образцы текстов передовых статей «Правды» военного периода).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе – *«Теоретико-методологические основы исследования советской аргументативной модели в период Великой Отечественной войны»* – дана общая характеристика теории аргументации, ее актуальных вопросов, рассмотрены виды аргументов, их классификации, представленные в современных языковедческих работах; охарактеризован советский официальный дискурс, показаны особенности его репрезентации в газетно-публицистических жанрах периода Великой Отечественной войны.

Прямым продолжением классической риторики на новом витке научной спирали является *неориторическая теория аргументации* (Х. Перельман, Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст, С. Тулмин и др.). В настоящее время изучение

аргументации превратилось в самостоятельную область научных исследований. При этом теория аргументации находит свое место «между» лингвистикой и логикой: лингвистика слишком конкретна для описания коммуникации, а логика – слишком абстрактна. В связи с недостаточностью этих двух наук возникла необходимость в третьей – теории аргументации [Почепцов, 2001]. Предметом современной теории аргументации является изучение многообразных дискурсивных приемов, которые позволяют автору усиливать или другим образом изменять степень своего влияния на мнение аудитории. При этом конечная цель аргументации состоит в том, чтобы аудитория приняла положения, выдвигаемые автором.

Согласно А.Н. Баранову, с формальной точки зрения аргументация представляет собой последовательность тезисов и аргументов в пользу соответствующих тезисов. Группы тезисов и аргументов часто имеют сложную иерархическую структуру, в которой тезисы предшествуют аргументам или наоборот. По формальной структуре аргументация может быть простой и сложной. Простая аргументация состоит из одноуровневых пар «тезис – аргумент», а сложная аргументация является многоуровневой, включающей аргументы и тезисы более высокого и более низкого уровня, связанные одним общим тезисом. Помимо этого, аргументация по формальной структуре может быть прямая (порядок следования – вначале тезис, а потом аргумент) и обратная (порядок следования – вначале аргумент, потом тезис к аргументам). С содержательной стороны аргументацией считается способ речевого воздействия на адресата с помощью тезисов и аргументов, в результате которого в модель мира адресата вводятся новые знания с целью непосредственного или опосредованного влияния на процесс принятия им тех или иных решений. Речевое воздействие в рамках аргументирования осуществляется не имплицитно, а явно – через пропозиционные компоненты высказываний при одновременной апелляции к социально и культурно обусловленным структурам ценностей адресата. В этом случае речь идет о ценностно-ориентированной естественной языковой аргументации. Ценностно-ориентированная аргументация может быть *логической* (аргументативный диалог протекает при использовании одной и той же ценности), *эмоциональной* (в качестве ценности выступает структура эмоций), *порождающей* (в процессе аргументирования происходит уничтожение и/или порождение новой ценности) и *диалектической* (изменение порядка следования ценностей в ценностных иерархиях) [Баранов, 2007, с. 249–251].

Аргументация осуществляется через построение определенного вида текста (письменного или устного). Особенностью аргументационного текста является то, что в нем реализуется логико-лингвистическая структура, для обозначения которой употребляется термин «аргументационная конструкция» (термин А.П. Алексеева). Под аргументационной конструкцией понимается множество предложений, произнесенных или написанных некоторым лицом (аргументатором) и адресованных некоторому другому лицу или группе лиц (реципиенту, аудитории); при этом аргументатор надеется, что реципиент примет одно из названных предложений (тезис) вследствие принятия им других предложений аргументационной конструкции (оснований, посылок) [Козловская, 2003, с.159].

Соединение структуры аргументации (аргументационной конструкции) с принятыми нормами поведения в процессе общения представляет собой общую схему коммуникации, или модель. Конкретизация моделей коммуникации связана с различиями аргументирования как процесса, его структурными, концептуальными, композиционными и этическими особенностями, обусловленными методикой организации, механизмом обмена аргументами.

Аргументацию, раскрывающую и определяющую выбор одной из альтернатив, представленных в темах выступлений, в наиболее широком плане со времен Аристотеля делили на: 1) *естественные доказательства*, которые позже были названы «эвиденцией» (свидетельские показания, документы, данные экспертизы и научного анализа и пр.); 2) *искусственные доказательства*, подразделявшиеся на: а) *логические*, т.е. индукцию, куда входила научная индукция, а также аналогия или даже обращение к отдельным примерам; дедукцию, в которой различались силлогизмы, опирающиеся на научно доказанные посылки, и энтимемы, посылки которых отличались лишь известной вероятностью; б) *этические*, апеллирующие к общности нравственных, морально-этических представлений убеждающего и убеждаемых; в) *чувственные*, обращенные к страстям, настроениям, опасениям и пр. убеждаемых. Позднее естественные доказательства были объединены с логическими доводами и получили название «*ad rem*» («по существу»), а остальные искусственные доказательства были названы «*ad hominem*» («к человеку»). Т.Г. Хазагеров приводит классификацию доводов в соответствии с традицией и учетом некоторых видов психической деятельности (наблюдение – размышление, личный опыт – социальный опыт), взятой на ее высших уровнях: 1а. Довод к очевидному («Эвиденция»). 1б. Довод к размышлению («к логосу»). 2а. Довод к чувствам, страстям («к пафосу»). 2б. Довод к чувствам, к эстетике, этике («к этосу») [Хазагеров, Ширина, 1999].

В классификации доводов на основе учета характера аудитории, на которую распространяется воздействие аргументации [Ивин, 1997] способы аргументации делятся на универсальные и неуниверсальные, или контекстуальные. *Универсальная аргументация* может быть использована в любой аудитории. К универсальным способам воздействия относят прямое эмпирическое подтверждение (в частности, подтверждение следствий), многообразные способы теоретической аргументации: логическое обоснование, системную аргументацию, методологическую аргументацию и др. Эффективность *неуниверсальной*, или *контекстуальной*, аргументации обусловлена спецификой той или иной аудитории. К числу контекстуальных способов убеждения относятся аргументы к традиции и авторитету, к интуиции и вере, к здравому смыслу и вкусу и др. В свою очередь, способы универсальной аргументации делят на *эмпирические и теоретические*. Неотъемлемым элементом эмпирической аргументации является ссылка на опыт, на эмпирические данные, важную роль играет подтверждение, которое может быть прямым, или непосредственным, и косвенным. Теоретическая аргументация опирается на рассуждение и не пользуется непосредственно ссылками на опыт. Наиболее важное значение имеют следующие способы теоретической аргументации: логическая аргументация, системная аргументация, принципиальная проверяемость / опровержимость, условие совместимости, методологическая аргументация. Соотнося рассмотренные типологии, можно заключить, что доводы «по существу» – универсальны, примени-

мы в любой аудитории, являясь, по сути, рефлексивными аргументами, а доводы «к человеку» составляют основу контекстуальной, неуниверсальной аргументации, хотя и не исчерпывают возможные варианты доказательства.

Таким образом, в основе теории аргументации лежит конструктор убеждения, а ее предметом является изучение многочисленных дискурсивных приемов, позволяющих продуценту дискурса влиять на реципиента, в том числе на массовую аудиторию, на коллективную языковую личность реципиента СМИ. ЛР реконструкция аргументативной модели дискурсивного пространства оптимально отвечает целям изучения политического газетного дискурса, в частности, способствует построению советской аргументативной модели в дискурсе передовых статей газеты «Правда» периода Великой Отечественной войны.

В базовые теоретического анализа проблемы исследования нами был уточнен ряд базовых понятий. Под *аргументативами* понимаются «высказывания, нацеленные на аргументацию, обоснование каких-либо предположений, гипотез, теорий и т.п.», «утверждения или опровержения» [Шилков, 2001]. Мы различаем два уровня аргументативов: простой аргументатив, или аргументативный шаг, – это элементарное действие в общем процессе аргументирования; сложный аргументатив, или аргументативный ход – это сочетание двух или нескольких аргументативных шагов, образующее относительно замкнутый цикл. Простые аргументативы служат строительными элементами для сложных, иначе говоря, можно считать собственно аргументативом только сложный аргументатив, аргументативный ход; элементами этого аргументативного хода, выступающими в разных модификациях внутренних связей и последовательностей расположения относительно друг друга, выступают аргументативные шаги. Аргументативный шаг может быть квалифицирован как элементарный аргументатив / речевой акт, это уровень операций, а аргументативный ход – это уровень действий в общем речемыслительном процессе аргументирования.

Аргументативная база – это исходные положения, дискурс-этимоны как идеологические аксиомы, исходные единицы в системе оценочных суждений, вершина в иерархии инстанций истинности интерпретации действительности (когнитивный аспект аргументативной модели). *Аргументативное поле дискурса* есть аргументативная база в ее актуализованном состоянии, организованная по стратегическим линиям убеждения. Если аргументативная база – это уровень языковой системы, перечень идеологем, их тезаурус в состоянии готовности к речемыслительному процессу, то аргументативное поле – уровень дискурса как речемыслительного процесса, репрезентация тезауруса в мобилизованном состоянии триггера процесса аргументирования.

Аргументативная стратегия языковой личности определяется как генеральная линия, направленность речемыслительного процесса, диспозитивное выдвигание в рамках личного дискурса-универсума как дискурсивного пространства. *Аргументативная тактика* продуцента дискурса – это конкретизация инвентивного спектра продуцента дискурса в данном высказывании, выбор его диспозитивной организации на композиционном уровне, построение дерева аргументации, выбор видов связи аргументов (цепная, параллельная), их комбинирование (логический аспект аргументативной модели).

Аргументативная конструкция понимается как интегральная логико-языковая структура, комплексная репрезентация опорных компонентов кон-

кретной реализации аргументативного дискурса: базы, стратегии и тактики аргументации, – включающая конкретизированное элокутивное наполнение инвентивно-диспозитивного каркаса, репрезентирующее его особенности во внешней речи (риторический аспект аргументативной модели).

Аргументативное пространство – уровень дискурса, т.е. текста в совокупности с экстралингвистическими факторами, мыслимого как процесс [см.: Арутюнова, 1990]. Аргументативная модель и аргументативное пространство соотносятся в нашей концепции как два уровня рассмотрения и представления реальности – текстовый и дискурсивный.

В главе проанализированы проблемы изучения политического дискурса, рассмотрена специфика советского газетного дискурса периода Великой Отечественной войны. Для публицистики этого периода характерна обозримость полного идеоречевого цикла «от мысли к слову» – от авторской интенции, обусловленной конкретными экстралингвистическими факторами, зачастую документально зафиксированными, до обратной связи с читателем, свидетельствующей о достигнутом коммуникативном эффекте. Согласно А.А. Ворожбитовой, изучение в комплексной лингвориторической системе координат жанрово и хронологически ограниченного материала, каким является публицистический дискурс военных лет, позволяет выявить ряд закономерностей речемыслительного процесса. Базовые концепты и оппозиции, генерирующие по амплификационному принципу антитезисные ментальные пространства советской и фашистской идеологий, выступают базовыми ЛР конструктами советского языкового сознания периода Великой Отечественной войны, обеспечившими мощный прагматический эффект [Ворожбитова, 2000]. Анализ особенностей функционирования советского официального дискурса на газетной полосе в период Великой Отечественной войны позволил заключить, что данная эпоха является уникальным социокультурным срезом для предпринятого нами исследования советской аргументативной модели на государственном уровне речемыслительной деятельности. Бесспорным является тот факт, что «тоталитарный язык» сталинской эпохи, запечатленный в «Толковом словаре русского языка» Д.С. Ушакова [Купина, 1995], воплотившееся в нем специфическое мышление «совокупной советской языковой личности» (А.А. Ворожбитова, 2000), доминантой которого являлась монолитность общества, во многом способствовали Великой Победе.

Во второй главе – *«Советская модель аргументации в корпусе передовых статей «Правды» 1941–1945 гг.»* – проанализированы подсистемы логической и психологической аргументации в передовых статьях газеты «Правда» военного периода, рассмотрены характер и закономерности употребления разных типов аргументов в данном типе дискурса. Как показали результаты анализа, существенным признаком советской аргументативной модели военного периода выступает сочетание разных типов аргументирования с позиций отношения референта и его временной отнесенности: эпидейктической (носит вневременной характер), судительной (референт в прошлом) и совещательной (референт в будущем) [см.: Волков, 2001]. Логическая аргументация неразрывно переплетается с контекстуальной, универсальные способы убеждения подкрепляются неуниверсальными. Особую функционально-прагматическую нагрузку несут совещательные аргументы: к нелыносимости, к должествованию, к опыту, к пользе, к

оптимуму. Благодаря повышенной элокутивной насыщенности (тропы и фигуры как идеологическая орнаменталистика), выявленные аргументы несут суггестивный характер, обусловленный сверхзадачей дискурса государственного / правительственного уровня в военное время – мобилизовать широкие народные массы на смертельную схватку с врагом.

В основе конструирования аргументативного пространства исследуемого дискурса лежат принципы ясности и простоты. Рассуждения, обращенные к массовому читателю, доступны по содержанию; легко прослеживаются логические связи, формирующие их внутреннюю структуру. В целом своеобразие данной логосферы заключается в упрощенности, определенной «редукции смысла». Приведем пример такого **рассуждения с дефиницией**:

- *Сила армии – в дисциплине. Крепкая боевая дисциплина – залог победы в войне. Высокая дисциплина воинов Красной Армии стоит на глубокой внутренней убежденности бойца в правоте своего дела. Эта дисциплина основана на полном доверии бойца командиру и комиссару. Командир, комиссар – не только начальники бойца, но друзья и товарищи. В Красной Армии бойцы самоотверженно защищают и прикрывают в бою своих командиров и комиссаров, порой жертвуя своей жизнью ради их спасения.*

При этом частотным является **доказательство от противного**, согласно которому некоторое утверждение приводится к абсурду за счет выведения из него противоречия, в данном дискурсе применяется как для характеристики глобальных стратегий вражеского вторжения, так и для иронического комментирования пропагандистских технологий противника.

- *Но всем ясно, что пресловутый «блицкриг» («молниеносная война») не удался. И сейчас немецкие генералы так далеки от реализации своих конечных стратегических планов, как в первые дни войны.*

Это не может скрыть даже фашистская пропаганда, наводняющая гнусной ложью эфир и страницы германской печати. За последние две недели резко изменился и характер как официальных немецких сводок, так и статей и обзоров. А еще 26 июня фашистские газеты заявляли, что советские войска полностью разбиты и неспособны к дальнейшему сопротивлению; 30 июня геббельсовские брехуны поразили мир сообщением об окончательном уничтожении Красной авиации; 13 июля вся немецкая печать и радио протрубили, что фронт Красной Армии во всех важнейших местах прорван и путь на Ленинград, Москву и Киев открыт.

С тех пор прошло еще две недели, и ... фашистские писакы вынуждены были резко сбавить тон. Появились совершенно новые нотки, свидетельствующие о том, что гитлеровская шайка начала постепенно готовить немецкий народ к мысли о неудаче немецких планов молниеносной победы. Гитлеровские лжецы рассчитывали на короткую память своих читателей и слушателей, уже выдвинули версию о том, что захват советских территорий и городов якобы вовсе не является их операцией; они заявляют теперь, что те или иные изменения линии фронта имеют только «подчиненное» значение, они вынуждены признавать мощь Красной Армии и советской авиации. Они печатают ряд инспирированных статей, в которых в полную противоположность своей недавней наглой брехне осторожно готовят обманутый ими германский народ к тому, чтобы он не ожидал сообщений о близких победах над СССР.

Среди логических доводов наиболее распространенным является аргумент «к очевидному», который, являясь прямым фактическим подтверждением сказанному, выступает действенным средством убеждающей речи. Например:

- *На предприятиях, в учреждениях и организациях Киева, на который так за- рятся фашистские бандиты, идут многолюдные митинги. На одном из митингов выступает писательница Ванда Василевская. Она взволнованно говорит на польском языке, – равноправном в Советском Союзе, преследуемом в фашистской Германии.*

- *Я вчера только прибыла с фронта. Я видела, как мужественно дерутся красные воины за каждый метр своей родной земли. Так могут драться люди только за свободу, за волю. Этот бой будет последним боем... немецкие фашисты впервые встретились с армией, которая умеет, хочет и может бороться, и поэтому она победит.*

И она призывает: – В эти грозные дни – все в бой за свободу, за нашу родину, за Сталина!

Достаточно часто доводы «к очевидному» усиливаются употреблением слов-эпистемиков (как известно, очевидно, как мы все знаем и т.д.), придающих высказыванию характер несомненной истины. Например:

- *Нет никакого сомнения в том, что это определение цели всенародной войны СССР против фашистских угнетателей найдет самый глубокий и сочувственный отклик во всех странах мира, ибо советское государство, его Красная Армия защищает демократию и независимость народов против самой зверской, самой реакционной, людоедской, человеконенавистнической гегемонии германского фашизма.*

Доводы «к доверию» и «к недоверию» являются разновидностями основных типов аргументов, поэтому можно выделить «доверие к очевидному», «доверие к логосу» и т.п. С точки зрения идеологического наполнения доводы «к очевидному», доводы «к доверию» с указанием источника сообщения часто выступают доводами «к этосу» («к состраданию» и «к отвержению»):

- *Каждый день, каждый час приносит все новые вести о диких злодействах, о неслыханных актах насилия, надругательствах, чинимые фашистско-немецкой армией в захваченных советских районах. Вот село Дорманка, из которого отважные партизаны выбили немецких насильников. Село сожжено. На старом ясене у колодца болтаются трупы повешенных немцами старого колхозника и его сына. Вот с поникшим лицом женщина, которая пробралась к партизанам после того, как на ее глазах немецкие мародеры расстреляли ее девятилетнего сына. И трупы, еще трупы замученных, убитых людей. Так в каждом селе, в каждом городе, где были фашистские душегубы.*

А вот рассказ Василия Божика, бежавшего из фашистского плена из Дрогобычской области. Он рассказывает, что, войдя в село, немцы схватили председателя, привязали его к двум танкам и разорвали на части. В другом селе, в Буденовке, немцы согнали на площадь людей, облили их бензином и подожгли. Школьник Лень Сиган, которому удалось бежать из Кременца вместе с четырьмя комсомольцами рассказывает, как в местечке Шумск он видел: по дороге бежали дети и женщины с расширенными от ужаса глазами, а за ними мчались немецкие мотоциклисты и расстреливали их из пулеметов. В Катербурге фашистские бандиты согнали на площадь население, приказали лечь на спины, а после этого палачи в сапогах, подкованных гвоздями, стали топтать лежащих. Надругавшись над мучениками, они велели им бежать, и открыли по бежавшим огонь.

В качестве разновидности довода «к авторитету» и довода «к доверию» активно и целенаправленно используется цитирование, выступающее в данном

случае как специальный риторический прием. В качестве разновидности аргумента «к авторитету» используется цитирование речей и высказываний И.В. Сталина. Отметим, что в подобных контекстах доверие принимает гипертрофированную форму, так как авторитет вождя поднимается на небывалую высоту, он выступает практически в роли пророка. Например:

- *В своей исторической речи 3 июля 1941 года товарищ Сталин говорил о том, что целью нынешней «всемирной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма».*

Товарищ Сталин предсказывал, что в этой освободительной борьбе мы не будем одиночками.

– *«В этой великой войне, – говорил товарищ Сталин, – мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе и в лице германского народа, поработанного гитлеровскими законами. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера».*

Эти замечательные слова нашего великого вождя и учителя товарища Сталина блестяще подтверждаются каждым днем нашей действительности. Растет единый фронт народов, борющихся за свободу, за независимость, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера.

В этом же качестве цитируются в текстах передовых статей и высказывания В.И. Ленина. Например:

- *«...Раз война оказалась неизбежной – все для войны, и малейшая распушенность и недостаток энергии должны быть караемы по закону военного времени. Война есть война, и никто в тылу или на каких угодно мирных занятиях не смеет уклоняться от этой обязанности».*

Должен быть лозунг – все для войны!». (Ленин).

В исследуемых текстах встречается довод, который мы назвали доводом «к антиавторитету» – своего рода гибрид двух типов доводов – «к авторитету» и «от противного». Его особенностью является ссылка на мнение врагов или враждебно настроенной третьей стороны, если оно служит дополнительным подтверждением тезиса продуцента дискурса. При использовании этого аргумента также применяется цитирование, например, приводятся слова Гитлера (как в форме косвенной, та и прямой речи):

- *Кровавый Гитлер неоднократно говорил, что он готов не только истребить население тех стран, которые намерен покорить, но и пожертвовать во имя своих захватнических планов миллионами жизней германского народа. Гитлер говорил о «тотальной войне»: «Я буду вести ее, не обращая внимания на потери. Каждый из нас знает, что значит «тотальная война». Я не останавлиюсь ни перед каким разрушением... Мы варвары и хотим быть варварами... Если я буду вынужден в один прекрасный день объявить войну, могу ли я разрешить себе промедлить или поколебаться из-за судьбы десяти миллионов немцев, которых я пошлю на смерть». Неутолимая кровожадность каннибалов века – в этих словах.*

Как показали результаты анализа, естественные доказательства, или эвиденция (свидетельские показания, документы, данные экспертизы) систематические включаются в тексты передовых статей. Доказательная сила подобных доводов *ad rem* является бесспорной, потому что они часто являются обоснованием обличительных тезисов и утверждений:

- Чтобы скрыть свои злодеяния от глаз и ушей советского народа, немецко-фашистские мерзавцы прибегают к подлым и трусливым приемам. Из числа жителей, захваченных районов, преимущественно среди уголовных элементов, фашистское командование вербует своих агентов для распространения вражеских, провокационных слухов. Об этом красноречиво говорят помещаемые сегодня в «Правде» документы: письмо в редакцию В.Я.Смирнова и показания фашистского диверсанта и провокатора, уголовного преступника, еще до войны трижды осужденного советским судом, Е.В. Семыкина.

Действенным средством убеждения в военном дискурсе выступает «аналогическая аргументация» на основе сходства, подобия предметов, явлений, процессов в образной форме. Исследуемые тексты обнаруживают достаточно частотное употребление аргументов такого рода. Обращение к конкретным, зримым, знакомым каждому образам делает абстрактные понятия доступными для восприятия массовой аудитории. Наглядный пример достаточно очевиден, соответственно, иллюстрируемое им положение тоже верно: таким образом программируется достижение необходимого перлокутивного эффекта. Отличительной особенностью аналогической аргументации в данном типе дискурса является обращение к историческим примерам, ссылка на имевшие место события (совещательная аргументация «из опыта»).

- В пламенном негодовании берутся за оружие колхозники Украины. Они-то хорошо знают жестокого, жадного, коварного германского хищника! Еще жива память о виселицах, которыми отмечал враг нашествие в 1918 году. Нет села, которое не гордилось бы своими героями народной партизанской войны. Поперек горла стала тогда врагу украинская пшеница. Дорого он заплатил за свой грабеж. Не испугали украинских крестьян ни германские генералы, ни германские палачи. Горела земля под ногами у захватчиков.

Подобные аргументы можно рассматривать как разновидность контекстуального аргумента «к традиции». Как указывает А.А. Ивин, по сути, все контекстуальные аргументы содержат в свернутом виде ссылку на традицию. Признаваемые авторитеты, интуиция, вера, здравый смысл, вкус формируются исторической традицией и не могут существовать независимо от нее. Чуткость аудитории к приводимым аргументам в значительной мере определяется теми традициями, которые она разделяет. Традиция закрепляет те наиболее общие допущения, в которые нужно верить, чтобы аргумент казался правдоподобным, создает ту предварительную установку, без которой он утрачивает силу. «Традиционализм в большей степени характерен для коллективистических обществ с жесткой структурой, какими являлись, например, тоталитарные общества XX века» [Ивин, ...]. Таким образом, логическая аргументация в исследуемом типе дискурса теснейшим образом переплетается с контекстуальной аргументацией, подкрепляя универсальные способы убеждения неуниверсальными.

Значительная роль в контекстуальной аргументации отводится доводам «к пафосу» («к обещанию» и «к угрозе»), указывающим на последствия действий и поступков убеждаемого, затрагивающие его личные интересы. В структуру таких доводов включены убеждаемый, убеждающий и «предмет обещания» / «предмет угрозы». Естественно, что в условиях военного времени в аргументативном дискурсе правительственного уровня «предметом обещания» выступает Победа советского народа над фашистскими захватчиками, освобождение оккупированных территорий, отпущение врагам за пролитую кровь. Например:

- *Враг будет разбит, ибо дело наше правое, ибо советские люди сознают всю свою ответственность перед родиной, перед человечеством, перед историей. Гитлеровская армия получила на просторах нашей родины сокрушительные удары от Красной Армии на фронте и от многочисленных партизанских отрядов в тылу, Она уже почувствовала силу гнева советского народа. Эта сила будет расти безмерно, могучим вихрем сотрет она с лица земли фашистских гадов.*

«Предметом угрозы» выступают последствия порабощения советского народа фашистским захватчиком. Например:

- *Весь народ наш знает, что германский фашизм ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом, восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение народной культуры всех народов Советского Союза. «Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение».*

Доводы «к пафосу» – «к угрозе» и «к обещанию», причем последний вид зачастую переходит в угрозу врагу – реализуются в том числе в условной фигуре «обратимости угрозы»:

- *Над советской страной нависла большая, серьезная опасность. В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом – германским фашизмом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Этот враг является врагом всех народов Европы, всех народов мира. Враг этот использовал преимущество нападающей стороны и бросил в бой против Красной Армии 170 дивизий, мобилизованных и подготовленных заранее для нападения.*

Но, несмотря на временные успехи гитлеровских полчищ, германский фашизм найдет себе могилу в этой войне.

В условиях военного времени опасность исходила не только от внешних врагов (довод к внешней угрозе), но и от внутренних (к внутренней угрозе), соответственно довод «к угрозе» мог быть представлен в следующем виде:

- *В одних случаях угрозой рассстрела, в других – подкупом и посулами немецко-фашистские офицеры вербуют агентов, которых они забрасывают к нам в тыл с особой целью: разлагать советский тыл провокационными, вражескими слухами о том, будто гитлеровские орды не трогают мирных жителей, будто они не совершают диких и чудовищных расправ, будто они убивают лишь евреев и коммунистов.*

Как показали результаты анализа, аргумент «к пафосу» тесно переплетается с такими разновидностями довода «к этосу», как довод «к сопереживанию» и довод «к отвержению». Сопереживание подразумевает, что убеждаемый отождествляет себя с другими людьми и, соответственно, будет действовать в общих интересах. В текстах советских передовиц военного периода каждый отдельный человек включен в единую социальную общность – советский народ. Таким образом, самоидентификация превращается в восприятие себя как части одного гигантского целого, единого социополитического организма; соответственно, задачи всего советского народа в единстве всех составляющих его наций и народностей трансформируются в личные цели каждого индивидуума:

- *Союз Советских Социалистических республик – большое многонациональное государство. В безвозвратное прошлое ушла национальная рознь. У нас нет мерзкого деления на народы «большие» и «малые». Все одинаково равны, пользуются одинаковыми правами все граждане великой советской страны без различия национальностей. В этом передовом гуманном принципе – великая сила нашего государ-*

ства, его моральное превосходство над фашизмом, пытающимся столкнуть человечество к временам варварства.

В связи с этим в аргументах «к пафосу» частотно подчеркивание масштабов и величия страны Советов в количественном аспекте, как необозримого множества людей, объединенных общей задачей – победить смертельного врага. В этих целях используются как *идентификационные формулы*, так и *ряды однородных членов предложения*. Например:

- *Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом.*

Вооружить наших доблестных бойцов наиболее совершенным оружием – такова одна из важнейших обязанностей тыла, т.е. рабочих и ученых, конструкторов и мастеров, инженеров и лаборантов, технологов и исследователей.

Довод «к отвержению», психологически глубоко воздействуя на эмоциональную сферу реципиента, формирует в его сознании негативную оценку той или иной отдельной личности, переходящую от отвержения самой личности к отвержению системы ценностей, которую эта личность репрезентирует. Объектом отвержения в исследуемом типе дискурса большей частью выступает не отдельная личность, а собирательный образ врага. Это *совещательные аргументы «к невыносимости»*. Например:

- *С такой же неслыханной жестокостью расправляются фашистские бандиты с пленными и ранеными красноармейцами. Фашистское зверье убивает раненых красноармейцев, предварительно надругавшись над ними. Пленных они подвергают пыткам, перед которыми бледнеют пытки инквизиции.*

При этом психологическая аргументация «к отвержению» подкрепляется доводами «к делу» – конкретными фактами со ссылкой на авторитетный источник, с указанием фамилий советских воинов, публикацией фотографий.

- *В сводке Советского Информбюро приведен факт о том, как немецкий офицер пытал раненого красноармейца Федорова, стараясь добыть нужные ему сведения, раскаленным на огне штыком офицер сжигал Федорову руки, колот грудь и спину. Не добившись ответа, фашист застрелил Федорова. Красноармейцу Зудину, которого наши войска отбили у фашистов, немецкий офицер отрубил несколько пальцев на руке, проколол ладонь правой руки, выбил глаз. Звери, хищные звери неспособны на такую изощренную жестокость, какую проявляют гитлеровские банды. Раненому воентехнику 2-го ранга Ладунину фашистские разбойники выкололи оба глаза, раздробили прикладами и сапогами челюсти, на щеке вырезали пятиконечную звезду. Таким же истязаниям подвергся тяжело раненый красноармеец тов. Алексеев. Гитлеровцы изрезали лицо раненого, перебили переносицу, выкололи глаз, раздробили скулу. Этот акт величайшего варварства, неслыханной жестокости запечатлен на снимке, который мы публикуем сегодня.*

Довод «к отвержению» может базироваться на обращении к чувству национального достоинства, но не конкретной народности, а целому ряду народов.

- *Свыше трех недель идут ожесточенные бои между доблестной Красной Армией и полчищами германского фашизма. Враг коварен, хитер и силен. Враг вооружен до зубов. Он «ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. «Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жи-*

ни и смерти народов СССР, о том – быть народам Советского Союза свободными или власть в порабощение». (Сталин).

Сильнейшим средством риторического убеждения является апелляция к эмоциям адресата. В военную эпоху доводы «к этосу» в неразрывной связи с пафосными доводами «к отвержению», «к состраданию» становятся ведущей формой мобилизующего аргумента. Например:

- *Гитлеровскую молодежь воспитали на культе кулака, палки, плетки. Распущенные мальчишки участвовали в погромах, забирали «не арийские» шубы и часы. Они пытались в концлагерях арестованных. Они издевались над безоружными чехами. Они пошли на войну грабить и насиловать.*

- *Ворвавшись во Львов, фашисты устроили там «ночь длинного ножа» – много тысяч человек от мала до велика было зарезано. Известно, каким мучениям подвергались крестьяне белорусских сел и деревень – их ошпаривали кипятком, выкалывали глаза, запарывали штыками, детям разбивали головы о косяк.*

В корпусе передовых статей широко используется эксплицитная аргументация «к чувству патриотизма», акцентирующая официальный характер дискурса правительственного уровня. Например:

- *Великая животворная сила патриотизма ведет бойцов Красной Армии в их последний бой с фашистским зверем. Патриотизм одухотворяет труд советских людей в дни войны. Патриотизм сплачивает всех советских людей на всем безграничном пространстве нашего государства в единую братскую семью.*

- *Советская родина мила и дорога советскому человеку. Дороги ее безграничны пространства, леса и перелески, тихие, но могучие реки равнин, уходящие за облака, горы, суровые моря Севера и ласковые берега Черноморья. Родина мила и дорога тем, что на ней советскими руками построена новая, социалистическая жизнь и раскрыты перед всем народом широкие пути к развитию, к знанию, к творческому труду, к счастью. Родина дорога тем, что на ней из среды трудящихся, из рабочего класса поднялась и выросла героическая партия большевиков, воспитавшая поколения отважных строителей и борцов. Родину осеняет победоносное знамя Ленина-Сталина.*

Важным тактическим приемом аргументирования является экземплификация (аргумент в пользу доказываемого тезиса, иллюстрирующий его применимость к конкретному случаю из множества подобных), которая достаточно частотна в данном типе дискурса. Для введения конкретных примеров употребляются экземплификаторы всех типов. Например:

- *Вот митинг на заводе имени Фрунзе в Ленинграде. Старый слесарь Петр Деметьевич Харинский вступает в ряды народного ополчения и призывает всех следовать его примеру. Он уверен, что могучий гнев советского народа испепелит фашистских бандитов.*

Рассмотренные нами аргументы являются наиболее употребительными в исследуемом типе дискурса. Следуя утверждению о том, что при выборе типа аргументации необходимо учитывать характерные особенности предполагаемой аудитории, мы основываемся на том неоспоримом факте, что газета «Правда» в советский период – одно из наиболее авторитетных изданий, охватывающее значительную читательскую аудиторию разных возрастов, социального положения и т.д. Принимая во внимание социологические признаки этой аудитории, можно говорить о ее разнородности. Но если учитывать время, к которому относятся рассматриваемые передовицы, то можно говорить об относительной

однородности данной аудитории, объединенной общим горем от потери близких людей, общей идеей-доминантой – разгромить ненавистного врага. В данный исторический период весь советский народ выступает как единое целое, поэтому логично было предположить, что аргументы военных передовиц, должны носить как универсальный, так и неуниверсальный характер.

Проведенное исследование подтвердило это предположение. Нами установлена высокая частотность употребления как рациональных аргументов (обращенных к разуму, основанных на логических построениях), так и психологических, или иррациональных (обращенных к эмоциям, чувствам, этической стороне личности и др.). Подчеркнем, что выявленные доводы имеют ярко выраженную внушающую направленность; это, в свою очередь, позволяет утверждать, что одной из существенных признаков советского аргументативного дискурса периода войны с фашистской Германией является его суггестивный характер. Отметим, что в столь экстремальной ситуации правомерно говорить о суггестивном потенциале не только психологических, но и логических аргументов. Рассмотренные нами аргументы носят внушающий характер, обусловленный сверхзадачей аргументативного дискурса военной эпохи, и в совокупности являются структурными элементами аргументативную модель, реализованную в передовых статьях газеты «Правда» эпохи Великой Отечественной войны. При рассмотрении корпуса передовиц как единого аргументативного макротекста выявлено, что в его рамках главный тезис в системе аргументации на государственном уровне – «Советский народ должен победить и победит фашистских захватчиков», образно-экспрессивным коррелятом которого выступает формулировка «*Советский народ уничтожит фашистскую гадину!*» Этот центральный тезис в содержательном плане, на уровне инвенции обосновывается логическими и психологическими аргументами, на уровне элокуции, языкового оформления – тропами и фигурами, в совокупности образующими инвентивно-элокутивную координацию особого типа. Выявленную нами аргументативную модель правомерно экстраполировать на речемыслительную деятельность государственного уровня в качестве ее процессуально-организующего начала в экстремальных условиях битвы за выживание.

На лингвокогнитивном уровне сущностные признаки советской аргументативной модели в военном дискурсе определяются набором *ключевых концептов*, организующим аргументативное поле исследуемого дискурса. По результатам анализа главными (в рамках первой части антитезы «Мы – они») в текстах передовых статей газеты «Правда» предстают концепты «Сталин», «советский народ», «Родина», которые тем самым выполняют функции опорных точек, триггеров развертывания дискурсивно-текстообразующего процесса. Эти концепты являются смыслообразующими при построении аргументов, основанных на обращении как к разуму, так и к чувствам. Несомненна высокая частотность употребления слов, их обозначающих (так, в текстах десяти статей словоформы «Сталин», «сталинский» встречаются около 100 раз.). Примечательно, что между этими понятиями (Сталин, Родина, советский народ) формально, декларативно утверждается равенство, заявляется их синонимичность. Однако доминантой фактически фидеистического убеждения, транслируемого рассматриваемыми текстами, тем не менее, является концепт «Сталин». Характерная для данного дискурса «глобальная антитеза», оппозиционность пред-

ставлений, отражена также в концептосфере на уровне дихотомии «советский народ» – «фашистские захватчики».

Своеобразие логосферы рассматриваемого дискурса заключается в упрощенности, «редукции смысла» (А.К. Михальская), его подчинении ведущей доминанте: «Советский народ уничтожит фашистскую гадину». В качестве разновидности довода «от противного» в исследуемых текстах встречается довод, который можно квалифицировать как довод «к антиавторитету» (ссылка на мнение врагов или третьей, зачастую враждебной стороны, подтверждающее позицию продуцента дискурса). Особую функционально-прагматическую нагрузку играют совещательные аргументы: к невыносимости, к долженствованию, к опыту, к пользе, к оптимуму, в том числе – благодаря их элокутивной насыщенности тропами и фигурами до уровня «идеологической орнаменталистики». Под «орнаментальной аргументацией» мы понимаем явление предельной насыщенности аргументативов тропами и фигурами, при которой сама словесная оболочка аргумента как инвентивного конструкта, мыслительно-логической сущности выступает добавочным аргументом элокутивного уровня.

Нами выделены две разновидности структуры аргументации, представленные в передовых статьях газеты «Правда» данной эпохи: аргументационные конструкции начального и заключительного этапов Великой Отечественной войны, различаемые по их модальности – тревожно-призывающей и торжественно-констатирующей соответственно. Типологическая черта 1-й рассматриваемой риторической модели – призывность. В текстах данного временного пласта преобладают конструкции с семантикой долженствования. Долженствующий характер высказывания реализуется уже на уровне заголовков:

Все силы – на разгром врага! На поддержку Красной Армии – могучее народное ополчение! Перестроить всю работу на военный лад. Все для фронта. Будем неукротимы в борьбе с лютым врагом. Кровь за кровь и смерть за смерть! Партизаны и партизанки, уничтожайте немецких оккупантов! Неустанно громить и преследовать врага!

На уровне отдельных высказываний и сложных синтаксических целых также можно проследить характерное для данных текстов значение предписания:

• *И тем не менее все мы должны понять всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и быстро отрешиться «от благодушия, от беспечности, от настроения мирного строительства, вполне понятных в мирное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение».*

Для передовых статей заключительного этапа Великой Отечественной характерен торжественно-констатирующий характер изложения. В частности, призыв в заголовке заменяется утверждением или номинативом: *Великая победа под Ленинградом. Кузнецы военного могущества нашей Родины. Сила советского патриотизма. Знамя Ленина-Сталина ведет нас к окончательной победе. Знамя победы водружено над Берлином! День великой победы нашего народа. Советский воин.*

Соответственно передовые статьи заключительного этапа заканчиваются не призывами, а утверждениями-констатациями или хвалой советскому народу, Красной Армии, вождю (эпидейктическая аргументация). Например:

• *Лаврами славы венчает Родина героев, мужественных своих сынов. Их подвигами на полях сражений осуществлены гениальные замыслы полководца, при-*

ведшего наш народ к историческим победам, указывающего путь к полной победе, к благоденствию, счастью народов и торжеству самых благородных идей, под знаменем которых когда-либо сражались воины.

- *Бодро и уверенно вступил советский народ в 1945-й год. Мы знаем, что он будет нелегким. Но советские люди, воспитанные партией Ленина-Сталина, никогда не отступали перед трудностями. Воодушевленные волей к полному разгрому ненавистного врага, ведомые своим любимым вождем и полководцем товарищем Сталиным, сыны свободного социалистического отечества уверенно идут вперед в полной победе над врагом.*

Однако общие характерные особенности прослеживаются на обоих уровнях реализации общей модели аргументации как ее типологические черты.

Ведущим сущностным признаком советской аргументативной модели военного периода является **бинарность представления смыслового содержания**, реализуемая на макроуровне (дискурс как текстовой массив) и мезоуровне (отдельный текст); экспликацией такого представления на микроуровне (отдельный аргументатив) являются доводы, построенные на эксплицитной **антитезе**:

- *Победоносная Красная Армия овладела Берлином, где разрабатывались планы уничтожения государств и истребления народов, откуда исходила смертельная угроза всему человечеству, мировой цивилизации. Красная Армия, выполняя свою благородную миссию, осуществляет приговор истории. Фашизм, вознамерившийся повернуть колесо истории вспять, заставить мир вернуться к средневековью, навязать ему свою кровавую диктатуру, свой рабовладельческий «новый порядок», свою идеологию звериного национализма, – фашизм ныне издыхает в прахе берлинских улиц. Фашистская гадина извивается в последних судорогах.*

Орнаментальный характер как важнейшая типологическая черта исследуемой аргументативной модели на элокутивном уровне проявляется в двух основных аспектах: лексико-тропеическом и синтаксически-фигурном.

На уровне **тропов** характерна **гиперболизированность**, при этом средствами создания эффекта преувеличения выступают слова с соответствующей семантикой, среди которых выделяются лексемы с положительными коннотациями (*небывалая, гигантская война; эпоха колоссальных сдвигов во всей жизни человечества; самый верный, беззаветный, мудрый руководитель; беспримерные подвиги воинов; гигантская созидательная работа; справедливейшая Великая Отечественная война; величайшие экономические преобразования*) и с отрицательными – в описании врага.

На уровне **фигур** орнаментализм аргументации в качестве одной из характерных черт аргументативной модели реализуется в **повторе** разных типов (*Москва – центр великой страны Советов. ... Сколько любви вкладывают в это слово трудящиеся нашей страны! Какой надеждой звучит слово Москва для угнетенных и подавленных фашизмом народов! Но о Москве мечтают и подлые фашистские гады. Москва в эти дни спокойно суровая; с полной уверенностью в наших силах встречает она нависшую над нашей страной опасность. В Москве нет людей, которые не согласились бы с оружием в руках защищать нашу великую родину*), который прослеживается на уровне не только отдельных лексем, но и целых высказываний.

Для общей аргументативной модели характерно **обобщение**, лингвистическим маркером которого выступает употребление определительных местоимений как своего рода «советская гипербола» (А.А. Ворожбитова). Например:

• *Вчера вся наша великая страна услышала мужественный, уверенный в нашей конечной победе голос любимого, мудрого вождя народа...*

• *Это обращение главы советского правительства к товарищам, гражданам, братьям и сестрам, к бойцам нашей Красной Армии и Флота, десяткам миллионов друзей в нашей стране и во всем мире, – обращение полное глубокого достоинства силы, – услышал в час грозной опасности весь мир.*

Нами выявлена типовая схема построения текста отдельной передовой статьи как аргументативной конструкции, универсальной для данного вида дискурса, ее диспозитивного инварианта на мезоуровне. Как показали результаты анализа, в зависимости от типа структуры (призывающей или констатирующей) передовица начинается с соответствующего типа заголовка. Начало статьи представляет собой демонстрацию глобального довода «к очевидному», где очевидцем выступает (следуя тактике обобщения и гиперболизации) каждый советский человек и весь народ в целом. Преимущественно этот аргумент строится на антитезе «советский народ» – «фашистский захватчик». На этом этапе в наиболее эксплицитной форме постулируется антагонизм двух политических, идеологических систем как взаимоисключающих ментальных пространств. Далее следует довод «к доверию» – обращение к макрофигуре «великого вождя всех народов» Сталина. Этот аргумент подтверждается цитированием как разновидности довода «к авторитету», где в качестве цитаты приводятся слова Сталина, реже – Ленина. Следующим структурным элементом является «аналогическая аргументация» или «апелляция к образцу». Завершает текст передовой статьи, в зависимости от модели, призыв как разновидность довода «к пафосу» или утверждение с положительной семантикой. Данный инвентивно-диспозитивный каркас выступает в качестве инварианта в корпусе военных передовых статей, представляя собой предельно обобщенную конструкцию, в целом отражающую специфику организации отдельной статьи как аргументативного конструкта на мезоуровне в общей аргументативной модели советского официального газетного дискурса эпохи Великой Отечественной войны.

В *Заключении* обобщаются основные положения работы. *Перспективы исследования* заключаются в более детализированном рассмотрении отдельных видов моделей аргументации, применяемых в различных типах институционального дискурса; в разграничении употребления терминов-дублетов *аргумент / довод*, например, в аспекте общего / частного, для выражения более тонкой смысловой дифференциации в рамках теории аргументации; в рассмотрении дискурса передовых статей газеты «Правда» советской эпохи как продукта речемыслительной деятельности некоторой собирательной «государственной языковой личности», в выявлении специфики вербально-семантического, лингвокогнитивного и мотивационного уровней ее структуры.

Основное содержание исследования отражено в следующих *публикациях*:

1. *Протуренко В.И. Теория аргументации и советская аргументативная модель в войне с фашистской Германией // Вестник Поморского университета. Вып. 8. 2007. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. С. 121–123.

2. Протуренко В.И. Рассуждение как реализация аргументативного идеореального цикла в публицистическом дискурсе // Лингвориторическая парадигма:

теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 85–91.

3. Протуренко В.И. Современные концепции теории аргументации как методология лингвориторического исследования публицистического дискурса // Там же. С. 128–133 (в соавт.).

4. Протуренко В.И. Виды аргументов и особенности их коммуникативного применения как аргументативная тактика языковой личности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 154–158 (в соавт.).

5. Протуренко В.И. Аргументативный аспект публицистического дискурса в свете лингвориторического подхода // Диалог языков и культур: теоретический и прикладной аспекты: Сб. науч. статей. Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Т.С. Нифанова. Архангельск: Поморский университет, 2007. С. 314–318.

6. Протуренко В.И. Аргументативная модель речемыслительной деятельности государственного уровня в условиях военного периода // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. 5-й Всерос. науч.-метод. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 231–234 (в соавт.).

7. Протуренко В.И. Проблемы анализа аргументативной тактики советского официального дискурса (на материале передовых статей газеты «Правда» 1941–1945 гг.) // Там же. С. 260–261.

8. Протуренко В.И. Картина мира в условиях военного противостояния: аргументативный аспект (на материале газетной публицистики периода Великой Отечественной войны) // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр. / Сост., отв. ред. Т.В. Симашко. Архангельск: Поморский университет, 2007. С. 58–61.

9. Протуренко В.И. Лингвориторическая прагматика публицистического дискурса периода Великой Отечественной войны // Лингвистика XXI века: актуальные направления: Сб. науч. тр. Воронеж: ВГПУ, 2007. С. 71–76.

10. Протуренко В.И. Лингвориторика психологической аргументации в дискурсе газеты // Коммуникационные системы и текстовые структуры: Научная монография / Под ред. Р.И. Мальцевой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. С. 63–71.

11. Протуренко В.И. Теоретико-методологические основы исследования аргументативного дискурса в лингвориторической парадигме // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. 7-й Всерос. науч.-метод. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2009. С. 196–200 (в соавт.).

12. Протуренко В.И. Логическая аргументация советской стороны в передовых статьях «Правды» периода Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. 7-й Всерос. науч.-метод. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2009. С. 220–222.

Подписано в печать с готового оригинал-макета 27.05.09 г. Формат 29,7×42/4. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз. Типография СГУТиКД. 354000, г. Сочи, ул. Советская, 26-а.

10-